

“Эпоха тяжелой работы ()”

После завтрака Лу Дун рано отправился к второму дедушке, чтобы помочь. Сегодня старик праздновал свой день рождения. Хотя он не будет большим гостем на банкете, ему придется накрыть четыре или пять столов для большой семьи.

Все блюда готовятся самостоятельно. Сунь Цинхай перевернул плиту в середине утра и приготовился устроить банкет в полдень. Лу Цзяньжэнь поехал на машине Лу Дуна на рынок за овощами. Лу Дун поручил нескольким молодым поколениям ходить от двери к двери, чтобы перевезти продукты. Восемь Бессмертных накрыли стол и позаимствовали тарелки и миски.

В наличии есть второй дедушкин дом, а также несколько поддонов из сандалового дерева и серебряные винные бутылки.

Это тоже было тайно сохранено с той особой эпохи.

Лу Цзяньву примчался обратно из Цюаньнана и повесил недавно установленный средний зал в центре зала.

Это картина, написанная самим вторым дедушкой, картина долголетия Сонгхе.

По обеим сторонам среднего зала висят вертикальные шахты, и на них написано: Долголетие лучше, чем долголетие Южной горы, а благословение подобно долгому течению воды Восточного моря.

“Я стар, я стар, в конце концов, я должен рисовать и писать это сам.” Второй дедушка стоял в холле, глядя на зал, заложив руки за спину.

Лу Чжэньлинь сказал рядом с ним: “Второй брат, кто в нашей деревне может сравниться с тобой в каллиграфии и живописи?”

Случайно зашел Лу Донг, услышал это и сказал: “Второй дедушка, мы недостаточно известны. Нам нужно найти компанию, чтобы управлять ею. Ты также можешь рисовать и раскрашивать всех должным образом.”

Услышав, как его внуки восхваляют самое лучшее и самое гордое, что было в его жизни, второй дедушка не смог удержаться от смеха: “Не расстраивайся из-за меня. Я знаю, сколько кэтти и таэлей у меня в сердце.”

Лу Чжэньлинь сказал: “В наших десяти милях и восьми поселках вы можете рассчитывать на этом уровне.”

Лу Тао вошел снаружи, Лу Донг поприветствовал его, чтобы он накрыл стол и поставил табурет, а затем попросил двоих снаружи подвинуться к позаимствованному столу Восьми Бессмертных.

Зал имеет самую большую площадь, и необходимо накрыть два стола.

К счастью, в последние дни о сибирском похолодании не сообщалось. Даже если печь не горит, люди могут сидеть в этом месте в полдень.

В комнате было накрыто несколько столов, и Лу Дун закончил свою работу, и Лу Цзяньву потащил его говорить у ворот.

“Ваша скорость расширения в порядке.” Хотя Лу Цзяньву занимает должность юрисконсульта в компании Лу Дуна, в последнее время ему нечего было делать, и он не был в университетском городе: “В прошлые выходные я посетил три магазина в Цюаньнани, чтобы посмотреть, хех ... Бизнес хороший, и люди переполнены.”

Он сел на табурет с южной стороны двери: “По выходным, если вы хотите зайти, вам придется стоять в очереди в ресторан hot pot, чтобы позвонить по указанному номеру. Когда я приду туда, в очереди будет больше дюжины человек.”

Лу Донг взял маз и сел: “По выходным здесь так много людей, что я обычно не могу встать в очередь.”

Лу Цзяньву сказал правду: “Дунцзы, к счастью, в то время ты не согласился следовать за мной. Если ты последуешь за мной, это действительно задержит твое развитие.”

Мои собственные дядя и племянник, Лу Донг, естественно, могли услышать, что дядя Ба сказал искренне, и он ответил: “Дядя Ба, я только что вошел в Цюаньнань, и никто не обращает внимания на мои маленькие магазины. Я неизбежно столкнусь с некоторыми проблемами в будущем. Если вы столкнетесь с юридическими вопросами, у вас неизбежно возникнут проблемы ты.”

Лу Цзяньву похлопал его по руке: “Не говори о двух семьях из своей собственной семьи, ты заботаешься о моем бизнесе.”

Черный седан Santana приехал с севера. Лу Цзяньжэнь припарковал машину и открыл багажник, чтобы поприветствовать людей, которые разгружали машину. Различные овощи и мясо, купленные на фабрике, были отправлены Сунь Цинхуа несколькими младшими школьниками. Тети и тети пришли собирать овощи и помогать Сунь Цинхуа.

Лу Цзяньву пошутил с Лу Цзяньжэнем: “Седьмой брат, хорошо, давай сядем в машину.”

Лу Цзяньжэнь небрежно сказал: "Если Дунцзы осмелится послать его, я осмелюсь принять его."

Это все шутка, продолжил Лу Дун: "Дядя Ци, ты можешь водить его."

В это время с севера подошел Лу Цзяньсун, Лу Цзяньву слегка нахмурился: "Пригласил его?"

Лу Цзяньжэнь сказал: "Цзяньсун все еще нуждается в приглашении, но винное бюро приходит без приглашения."

Не говоря уже о том, что Лу Цзяньсун очень сознательно пришел отпраздновать свой день рождения. Он принес своему второму дедушке щетку, которую продавали в ларьке на большой площадке.

У таких людей, как Лу Донг и Лу Цзяньжэнь, есть свои собственные деньги, а постоянный стандарт Лу Цзяцюня составляет двадцать юаней.

Какими бы дорогими ни были вещи, у них всегда есть сердце. Людям всегда приятно приходить отпраздновать свой день рождения. Даже если они знают, что этот человек привык пить с полудня до вечера, они не могут прогнать людей.

Лу Цзяньсун вышел из дома, подвинул высокую мазу и сел, готовый пожать ноги Эрлангу.

Лу Цзяньжэнь вдруг спросил: "Цзяньсун, черные носки, которые ты сегодня носишь?"

Услышав это, Лу Цзяньсун собирался вытянуть ногу и быстро убрал ее обратно. Он не хотел заботиться о Лу Цзяньжэне. Вместо этого он сказал Лу Дуну: "Дунцзы, разве ты не говорил пригласить своего дядю Суна выпить?" "Почему здесь нет никаких новостей?"

Лу Донг удивился: "Когда, ты сказал, ты пригласил его выпить?"

Но мне, младшему, трудно разговаривать на старой улице.

Лу Цзяньжэнь взял слова: "Какой смысл пить с малышом? Наши братья выпьют позже, Пин Дуань..."

Сразу после одиннадцати часов Сунь Цинхай развел огонь и приготовил еду. Лу Цзяньжэнь и Лу Цзяньву пригласили людей посидеть дома. Всего они сели за четыре стола.

Снаружи внезапно послышался шум машины, и Лу Дун подумал, что кто-то снаружи пришел отпраздновать его день рождения, поэтому он поспешно вышел с дядей Ци.

В конце концов, у второго дедушки много друзей в живописи и каллиграфии за пределами дома.

Хотя я специально сказал людям, чтобы они не пускали людей заранее, также возможно, что люди придут тихо.

Лу Донг подошел к двери и обнаружил, что на улице только что остановился красный седан Fukang. Дверца водительского сиденья открылась, и оттуда вышел мужчина средних лет.

Люди вокруг были очень удивлены, увидев людей среднего возраста.

"Лу Цзяньдао!"

Сзади раздался голос Лу Цзяньжэня, и люди тоже подошли к двери.

"Старая Семерка." Лу Цзяньдао достал из машины праздничный торт, как будто он больше никого не видел на улице, и улыбнулся Лу Дуну: "Дунцзы, прошло много времени с тех пор, как я тебя видел".

Лу Дун вежливо ответил: "Дядя."

Через некоторое время новость уже дошла до дома. Лу Чжэньлинь и старшее поколение проводили вторую бабушку и второго дедушку из дома, и Лу Дун поспешно отпустил их в сторону.

Когда вторая бабушка увидела Лу Цзяньдао, слезы не могли перестать катиться, и все пошатнулись. Третья бабушка рядом с ней поспешно помогла ей.

Лицо второго дедушки было черным, как дно кастрюли, и он хотел заговорить, но кашлял один за другим.

"Отец, мать. Лу Цзяньдао сделал шаг вперед с тортом: "Я вернулся".

Вторая бабушка прикрыла рот рукой, чтобы не расплакаться вслух.

Второй дедушка сделал этот вдох и сердито крикнул: "Убирайся! Убирайся отсюда! ты....."

Хотя здоровяк не хотел его видеть, в конце концов, он был сыном второго дедушки. Кроме того, он наконец-то вернулся на свой день рождения.

Лу Донг слишком молод, чтобы говорить такие вещи.

“Второй брат, успокойся, успокойся. Лу Чжэньлинь поспешно подхватил слова: “Цзяньдао вернулся, это хорошо, давайте пойдем домой и скажем что-нибудь, не стойте на улице в холодный день”.”

Лу Цзяньдао знал, где нужно прорваться, и крикнул второй бабушке: “Мама...”

Вторая бабушка не могла удержаться от громкого плача. Если ребенок больше не будет сыновним и будет совершать ошибки, он в конечном итоге станет мясом, выпавшим из тела матери.

“Ты ублюдок!” Вторая бабушка сначала отругала, потом прошептала: “Заходи, давай поговорим об этом, когда войдем”.”

Второй дедушка ничего не сказал, развернулся и пошел обратно. Вторая бабушка подмигнула Лу Цзяньдао и поспешила за ним.

Лу Цзяньдао последовал за ним домой.

Лу Чжэньлинь посмотрел, вздохнул и пошел домой.

Даже если это дядя, некоторые вещи нелегко сказать.

Лу Цзяньжэнь и Лу Цзяньдао - двоюродные братья, с опущенными плечами и редким пожатием плечами.

Лу Дун схватил седьмого дядю: “Есть обиды и обиды. Давайте поговорим об этом после сегодняшнего дня. Сегодня день рождения второго дедушки.”

Лу Цзяньжэнь выдержал это: “Я знал, что он придет, поэтому я должен был пойти ко входу в деревню и подождать, сначала сломать одну ногу и поговорить о чем-нибудь другом.”

Лу Цзяньву тоже убеждал в это время: “Седьмой брат, я тоже злюсь и хочу преподать ему урок. Сегодня не время.”

Лу Цзяньжэнь опустил плечи и вошел.

И Лу Донг, и Лу Цзяньву последовали за ним.

Из-за того, что вернулся Лу Цзяньдао, во дворе было немного грязно.

В зале второй дедушка сидел в большом кресле и смотрел на Лу Цзяньдао. Лу Цзяньдао

поставил торт на стол Восьми Бессмертных. Видя, что никто вокруг него не разговаривал с ним, он был немного смущен.

Но, в конце концов, он был ведущим сотрудником в таком государственном учреждении, как Дворец культуры. Он достал из кармана сигарету и раздал ее окружающим.

Я не знаю отношения второго дедушки, никто не осмеливается легко взять сигарету.

“Третий дядя.” Лу Цзяньдао вручил красную панду Лу Чжэньлину и тихо сказал: “Послушай, не делай этого сегодня из-за меня...”

В любом случае, когда люди вернутся, Лу Чжэньлинь хотел, чтобы семья второго брата развязала узел. даже если они не смогут вернуться к Лу Цзяньдао до его отъезда, они могли бы даже время от времени звонить по телефону.

Он взял сигарету и сказал: “Цзяньдао, я больше ничего не скажу. Как ты справлялся все эти годы, у тебя должно быть число в твоём сердце.”

Лу Цзяньдао раздал сигареты окружающим его людям и ответил: “Есть цифры, есть цифры.”

Когда другие увидели, что Лу Чжэньлинь берет сигарету, они забрали ее.

Лу Цзяньдао подошел к столу и пододвинул праздничный торт ко второй бабушке, сидящей на табурете: “Мама, я купил праздничный торт для своего отца...”

“Выбрось это для меня!” Как мог тон второго дедушки сразу же стать ровным: “Лао Ци, Лао Ба, выбрось это для меня!”

Вторая бабушка тоже была очень сердита, но она крепко держала торт одной рукой, читая book.uuknshu.com. Из страха, что старая семерка и старая восьмерка придут и схватят его.

Когда она была матерью, она все еще смотрела на своего сына в своём сердце.

Даже спустя много лет сын, который был рядом, не только не вернулся, чтобы повидаться, но даже не позвонил по телефону.

Но сегодня люди вернулись, просто вернись.

“Второй брат, ребенок вернулся.” Лу Чжэньлинь - дядя, поэтому, если он может убедить его заключить мир, он, естественно, должен убедить его: “Даже если он совершит ошибку, разве это не путь назад?” Люди говорят, что блудный сын не поменяет свои деньги, когда вернется...”

Он подмигнул Лу Цзяньдао: "Цзяньдао - национальный кадр, и часто он ничего не может с этим поделать."

Второй дедушка указал на Лу Цзяньдао и сказал: "Если он действительно сделает что-то большое, я не буду об этом говорить. В таком месте, как Дворец культуры, что он задумал? Так занят, что у тебя даже нет времени позвонить родителям на Новый год? Настолько занят, что его мать и отец отправились в отделение, чтобы найти его, но они даже не смогли никого найти?"

Лу Цзяньдао быстро сказал: "Отец, мать, я был неправ, я действительно был неправ."

Такой большой человек, перед большой семьей, опустился на колени посреди зала: "Я знаю, что я поступил неправильно. На протяжении многих лет моя голова была зажата дверью. Если вы не понимаете и глупы, вы простите меня на этот раз!"

Второй дедушка вообще не ходил к нему. Если бы он пришел на несколько лет раньше, у него все еще могла бы быть надежда и надежда в его сердце.

Но после всех этих лет мое сердце уже давно остыло.

Хотя он не так хорош, как Лу Чжэньлинь, он также человек с определенной проницательностью. Действительно ли этот человек говорит, что он оглянется назад, когда оглянется назад?

Я не возвращался сюда больше десяти лет, и мне вдруг захотелось понять это?

Вторая бабушка была другой. Увидев своего сына, стоящего на коленях в доме, слезы, которые только что были вытерты, снова потекли вниз, и она прошептала второму дедушке: "Смотри, ребенок знает, что это неправильно."

По мнению Лу Чжэньлина, второй брат и вторая невестка оба старше, и сегодня у них снова день рождения. Обе стороны остепенятся. В конце концов, они сыновья.

"Давайте подадим еду и поговорим во время еды." Лу Чжэньлинь сказал Лу Дуну: "Дунцзы, попроси кого-нибудь обслужить".

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/69285/2120835>